

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДНОЙ КАЛЕНДАРНОЙ СИСТЕМЫ С СИСТЕМОЙ СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ

С момента установления советской власти, когда стала постепенно формироваться система советских праздников, начался активный процесс ее взаимодействия с народной календарной системой.

Сам по себе русский народный календарь представляет собой результат длительного исторического развития и взаимодействия архаической (дохристианской) и христианской календарных систем. При этом если состав и порядок годовых праздников определяется в народной культуре церковным календарем, то содержательная интерпретация временных периодов и конкретных праздничных дат принадлежит по преимуществу народной традиции¹. Совмещение двух календарных систем привело к тому, что церковные праздники вобрали в себя мифопоэтическую семантику народных праздников. Последние, в свою очередь, обогатились христианской символикой, подвергшейся некоторому переосмыслению. В XX веке в связи с введением системы советских праздников сложилась ситуация, по-видимому, аналогичная возникшей на Руси после принятия христианства, поскольку две календарные системы вступили в тесное взаимодействие как на уровне идеологии, так и на уровне структуры годового цикла.

Анализ экспедиционных материалов² позволяет выявить механизмы взаимного приспособления двух календарных сис-

¹ *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

² Работа выполнена на основе материалов экспедиций Российской академии музыки им. Гнесиных, в которых принимали участие и авторы. Эти материалы, записанные в разных регионах России, хранятся в архиве ПНИИ по изучению традиционных музыкальных культур РАМ им. Гнесиных.

тем. При этом движение навстречу друг другу шло с двух сторон: сверху – от представителей советской власти и снизу – от сельских жителей – носителей традиционной культуры.

С первых лет существования советская власть использовала в своих целях сложившуюся на протяжении многих столетий систему народных праздников, стараясь изменить их содержание путем исключения из него христианских элементов. В результате почти повсеместно Троица превратилась в Праздник русской березки, поскольку в этот день было принято украшать дома ветками березы; Пасха или Вознесение – в Праздник первой борозды, так как в разных климатических зонах они по времени совпадали с началом пахоты и весеннего сева; а Масленица – в Проводы русской зимы с сохранением обычая сжигать масленичное чучело и кататься с ледяных гор и на лошадях. В Курской области (д. Дорохо-Доренское Солнцевского р-на) в один из важнейших поминальных дней в году – на Дмитровскую субботу – устраивали День колхозника. После общинного поминовения на кладбище, а после Великой Отечественной войны и у памятника погибшим на войне жителям деревни все собирались в школе, где устраивалось общее застолье. Руководство колхоза к этому дню заказывало на местном телевидении передачу о трудовых достижениях колхозников с выступлением местного фольклорного ансамбля.

В сценарии проведения всех перечисленных праздников сохранялись, во-первых, отдельные обрядовые действия (например катание с гор или сжигание чучела), имевшие прежде магический характер, а в советское время ставшие развлечением, а во-вторых, важнейшие ритуальные атрибуты (как, например, троицкая зелень), которые приобретали декоративное значение. Однако наличие этих действий и атрибутов в составе праздников при изменении их содержательной основы обеспечивало необходимую преемственность.

Другой механизм, применявшийся советской властью, заключался в использовании традиционных моделей календарных праздников и ритуалов при создании новых советских праздников.

Как известно, кроме общих церковных праздников в каждом селе существовал сугубо местный престольный праздник,

связанный с тем святым или событием христианской истории, которым была посвящена сельская церковь. Такие праздники, наряду с великими церковными праздниками, особо почитались в народе. Используя приверженность крестьян к своим местным праздникам, партийные руководители учреждали новые колхозные праздники, отмечаемые только в данной деревне. При этом народные гуляния организовывались в соответствии со старыми традициями.

Так, в деревнях Мезенского р-на Архангельской области в прошлом на престолы устраивались «съезжие» праздники, на которые съезжались жители соседних деревень. С начала 1930-х годов они были заменены на праздники в честь даты основания колхоза в данной деревне и стали называться «годовщинами». Однако сценарий проведения праздника при этом не изменился. Накануне этого дня варили пиво. Утром на площади перед церковью собирались все жители деревни в своих лучших нарядах, а также приехавшие гости. Сначала девушки и молодые женщины, первый год состоящие в браке, парами медленно шли вдоль улицы с пением лирических песен. Потом они вставали в круг и водили хороводы, а остальные жители деревни слушали их пение и оценивали наряды. Ближе к вечеру на улице устраивалась общественная трапеза, на которой всем раздавали сваренное к празднику пиво. После ужина устраивались танцы и соревнования исполнителей частушек. Тексты частушек сочинялись непосредственно во время пения и отражали актуальные для жителей села события. Всё это свидетельствует о том, что даже вновь учрежденные деревенские праздники сохраняли традиционную форму и песенный репертуар, вместе с тем наполняясь новым содержанием. Интересно, что после Великой Отечественной войны, когда гонения на церковь были ослаблены, местные жители вернулись к традиционным датам проведения «съезжих» праздников, связанным с церковными престолами.

Кроме того, в ряде регионов партийные работники устраивали специальные праздники, чтобы отметить переход от старого уклада жизни к новому. Для этого они использовали архаические формы календарных ритуалов, которые строились на основе модели похорон (ср. такие хорошо известные у русских обряды, как «похороны кукушки», «похороны русалки»,

«похороны Масленицы»). Эта ритуальная модель обычно связана с праздниками, отмечавшими смену календарных сезонов, которая осмыслялась как смерть прошедшего календарного периода и рождение нового. В журнале «Деревенский театр» № 5 за 1925 год была опубликована статья, в ней рассказывалось о торжественных «похоронах сохи». Сценарий этого действия был близок архаическим формам соответствующих календарных ритуалов: при стечении народа на центральной площади деревни было совершено ритуальное сожжение сохи – вышедшего из употребления сельскохозяйственного орудия. Таким образом, в одной из деревень на юге России был отмечен переход на машинную обработку земли с использованием тракторов.

Как уже говорилось, не только представители власти стремились совместить народную календарную систему с системой советских праздников, но и сами крестьяне, чтобы хоть в какой-то форме сохранить традиционные ритуалы, пытались приспособить их к новым условиям.

Одним из способов стало перемещение обрядовых действий, связанных с определенными датами народного календаря, на близкие им даты советских праздников. Так, например, первый весенний выгон скота в поле, который в средней полосе России повсеместно совершался в день св. Георгия (6 мая), после войны нередко стал переноситься на день Победы (9 мая). Такие случаи отмечены и другими исследователями³. По традиции в день первого выгона на поле совершался ритуальный обход стада пастухом с иконой, отпуском и пастушьим музыкальным инструментом. Этот обход имел магический смысл, как и нередко сопровождавшие его выстрелы из ружья с целью уберечь стадо от нападения волков. Вполне вероятно, что именно это апотропеическое действие, корреспондирующее с победным салютом, стало причиной переноса первого выгона скота на день Победы.

Другой пример. В западных районах Тульской области существовала традиция, согласно которой молодежь в ночь на Ивана Купалу (с 6 на 7 июля) устраивала ритуальные бесчин-

³ *Гороховский Ю. Ф.* Календарная обрядность населения Петровской волости Опочецкого р-на Псковской области // *Этнографическое изучение Северо-Запада России.* СПб., 2001. С. 68.

ства: воровала лук с огородов, закладывала двери домов, чтобы хозяева утром не смогли выйти на улицу, раскидывала поленицы дров и т.п. Все эти действия символизировали разгул «нечистой силы», характерный для купальской ночи. В советское время эта традиция была перенесена на День последнего школьного звонка, когда выпускники в ночь после школьного праздника поступали в соответствии с традиционными обычаями, не опасаясь наказания за свои действия.

Иной способ связан с включением советских праздников в циклы церковных праздников. Так, в Смоленской области до недавнего времени в живой традиции существовал цикл троицких обрядов, совершавшихся с Вознесения до Троицы или Духовна дня. По традиции в этот период сельская молодежь в воскресные и праздничные дни устраивала в лесу гулянья, которые после образования колхозов стали называться «маёвками», поскольку в круг праздничных дат наряду с Вознесением и Троицей вошло и Первое мая. Приведем фрагмент интервью с местными жителями: «На природу ходили ребята, девки, вся молодежь. Называли “маёвка”. Ходили обычно на столичный праздник Первое мая, когда распускаются деревья. Раньше ж не праздновали праздники эти. И на старинные праздники тоже ходили» (д. Туговищи Краснинского р-на Смоленской обл.). Заметим, что троицкие обрядовые песни в этой местности называются «майскими» (по рефрену «Маю, маю, маю зеляно!»), что, вероятно, также способствовало включению Первого мая в систему народных праздников. Подобные случаи известны и на Русском Севере. В Мезенском регионе народные весенне-летние гулянья («петровщины») устраивались на Петров, Иванов и Ильин дни, а после войны в этот ряд включается и празднование Дня Победы.

На протяжении всего периода существования колхозов в сельской среде довольно хорошо сохранялись календарные обряды и магические практики, связанные с хозяйственной (аграрной и скотоводческой) деятельностью. Поскольку они совершались в зависимости от погодных условий, то оказались не прикрепленными к церковным праздникам. Это в первую очередь касается ритуальных действий, связанных с началом весенней пахоты и сева, сенокоса, вывоза навоза на поля, а также началом и окончанием уборки урожая. Подобные календарные ритуалы

продолжали оставаться актуальными до тех пор, пока аграрные работы производились вручную и коллективно. Хотя уже в 1930-е годы в колхозах появились трактора, в военное и послевоенное время по известным причинам произошло возвращение к ручному труду и, соответственно, к обрядовым практикам. В советское время эти ритуалы, имевшие магическое значение, получили статус колхозных праздников. Традиционный сценарий проведения этих обрядов практически не менялся, однако крестьяне стали включать в них реалии колхозной жизни, заменяя обрядовых персонажей на представителей колхозного начальства.

Наиболее ярко эта замена проявилась в жатвенных обрядах, где ритуальные функции, раньше выполнявшиеся хозяином нивы, перешли к председателю колхоза или бригадиру. По сути дела они тоже являлись хозяевами колхозной земли, поскольку распоряжались ею и работающими на ней людьми и тем самым идентифицировались с духами-покровителями урожая.

Так, если раньше жатвенный сноп или венок несли помещику-землевладельцу или хозяину поля, которому всем миром помогали убирать урожай, то в 1930-е годы такой венок стали приносить в контору председателю колхоза или бригадиру. Ср.: «Ну, а кончают жать, дак у нас, если жито кончают жать – обжінки справляють. Ну, особенно у нас хорошо справляли, как овёс добирають. Овсёя ётыга. А жито, когда жнуть жито – бяруть одёжу: саян (род сарафана. – *О.П.*), рубашку, платок, ўсё. Там из жита делают *Солóху*. Всё с жита: руки, ноги, оденуть, и эту Солóху нясуть прямо в контору и сáдють ў кут. А председатель колхоза опла́чивает эту Солóху. У нас очень Солóху справляли. А потом, когда уже всё убирается с поля, – последний овёс. Потом нясуть Овсёя. Такого, как Солóху, сделают с овса: штаны наденуть, рубашку наденуть, шапку. И яго уже посóдють на председáтелево место. Сидить етот Овсёй. А потом выносят яго, снимають эту рубашку, овёс етот связывают... И Солóху так. Разбирали...» (д. Марышки Смоленского р-на Смоленской обл. – ныне эта деревня не существует. – *О.П.*). Ср. также: «Бабы отставляют жито, называлось борода. Приходить там хозяин колхоза (как уже колхозы стали). Бригадир приводит председателя, председатель глядит: бабы пожали. Вот тады яны и поють

песню “Видить моё вока, что край недалёко”. Хызыин тады уже нясёт водку, закуску бабам. Тады оны дожинають, а то отставляють недожатое» (д. Лешно Руднянского р-на Смоленской обл.).

Еще один пример. На севере Белоруссии (д. Клястицы Россонского р-на Витебской обл.) в прошлом при окончании жатвы «бороду» из последних срезанных колосьев привешивали хозяину нивы, а после коллективизации стали прикреплять к подбородку председателю колхоза.

В западнорусском регионе достаточно широко был распространен обычай на Масленицу катать по снегу священника, иногда в обнимку с женщиной, чтобы уродился хороший урожай льна. В колхозное время стали катать председателя колхоза. В сознании крестьян он, подобно священнику, наделялся особым сакральным статусом и продуцирующей способностью. Примечательно, что по земле он тоже должен был кататься с женщиной, что в символической форме изображало акт соития, способный, по народным представлениям, повлиять на плодородие земли. Ср. также: «Вот именно, что вот даже попов катали на длинный лен на Масленку. Председатель колхоза у нас быв, и вот тоже: “Ирина Ионовна, придите, покатаем председателя!”». И вот в один прекрасный момент я зашла у контору, разговариваем с ним, а я говорю: “Николай Ефимович, какой нынче урожай у нас в колхозе зерновых?”. Он мне говорить. А я говорю: “А лён?”. Во такой-то. Я говорю: “Но желательно больше?”. Он: “Ну а как же!”. Говорю: “А знаете, что старые люди делали? Привозили попа и катали по полям на длинный лён. Ну а теперь кто бог на селе? Председатель колхоза”. А он говорить: “Ясно, Ирина Ионовна, не возражаю”. А он здоровый был председатель. Я ему сказала: “Катитесь вы не один”. Он говорить: “А, понятно, Ирина Ионовна”. Он хватает одну с счетоводов, потом хватает меня, ну и покатались мы понемножечку прямо по снегу коло конторы» (д. Лесники Рославльского р-на Смоленской обл.).

Борьба с церковью часто приводила к запретам со стороны властей совершать обряды, приуроченные к большим церковным праздникам. Среди таких обрядов – колядование – рождественский обход всех домов деревни группой ряженных с пением поздравительных песен, в которых содержались пожелания урожая и благополучия. Стремясь сохранить этот обычай, тем более,

что благопожеланиям придавался магический смысл, жительницы д. Соловьяновка Клетнянского р-на Брянской области, наряженные «как цыгане», обходили дворы с красными флажками, чем демонстрировали свою лояльность властям.

С этой же целью в обрядовых песнях нередко изменялись слова, как это происходило, например, с волочечными песнями. В западнорусском регионе эти песни исполнялись во время поздравительного обхода дворов на Пасху. В текстах этих песен, кроме обращенных к хозяевам дома пожеланий хорошего урожая и приплода скота, перечислялись святые угодники, помогающие крестьянам в работе. Поскольку советская власть боролась с церковью, то в текстах волочечных песен имена православных святых стали заменяться на имена партийных руководителей и представителей местной власти, а сами песни стали звучать на колхозном празднике Первой борозды. Позже, в 1950-е годы, на напевы волочечных песен колхозники стали сочинять поэтические тексты, в которых высмеивалось пьянство бригадира или осуждались плохие работники. Создание новых текстов никак не влияло на сами напевы и народную исполнительскую манеру. Сохранялись певческий тембр, многоголосная фактура песен и специфически местные приемы вокализации. Пополнение корпуса поэтических текстов, исполняемых на один напев, вполне согласуется с народной традицией. У восточных славян каждый из напевов, в особенности обрядовых, связан не с одним, а с целой группой поэтических текстов. Анализ их поэтики показывает, что они возникали в разные исторические эпохи, реалии которых находили в них свое отражение.

Полевой материал дает множество примеров того, каким образом тексты и атрибуты советского времени усваиваются и перерабатываются народной культурой в соответствии с мировоззренческой системой ее носителей. Так, например, в Смоленской области на Крещение (в последний день Святков) было принято «закрещивать» окна и двери в доме, то есть рисовать над ними кресты мелом или копотью от свечи. Это, с одной стороны, символизировало окончание святочного периода, а с другой – выступало одним из способов изгнания нечистой силы (ее разгул приходился как раз на период смены годовых циклов). В советское время крестьяне стали изгонять чертей, которые по

народным представлениям прокляты Богом, при помощи пения «Интернационала». Ср.: «Они (черти. – *Е.Д., О.П.*) от Бога заклятые. Даже, бывало, песню играют “Вставай, проклятьем заклеимённый”. Поднимают их, возбуждают (чтоб они уходили). Они закляты, прокляты. Это вот уже как стали изменять слова, так это вот песню такую. Все, бывало, поют там комсомольцы “Вставай, проклятьем заклеимённый, весь мир голодных и раба”. Видишь, тут уже нельзя понять, кому это сказано. Это уже как зманили эту власть, то весь мир он уже голодный. Это, бывало, нячистикам так говорили» (д. Вязьмёны Велижского р-на Смоленской обл.). Любопытно, что некоторые коммунистические идеи воспринимались крестьянами в русле нравственных устоев христианства: «Для богатых эта враг Иисус Христос! Иисус Христос не любил богатых, кулаков! Эта ж нельзя! Эта ж они Англию (Евангелие) ня читають, наши граматнаи. Грех жа несусветный – хто богатый! Он зарёб еще к черту владения, а табе ничего нет. А Господь сказал: “Сам укуси и другому дай! Ня уметь он – помоги”. Так, как наша партия рякомяндуить. Так и Англия Иисуса Христа» (д. Сельцо Демидовского р-на Смоленской обл.). Видимо, с таким восприятием коммунистических идей связано и помещение портретов советских вождей рядом с иконами в красном углу крестьянской избы, что неоднократно приходилось видеть в самых разных регионах России.

Подводя итоги, можно сказать, что поначалу, до того как сложилась система советских праздников, советская власть использовала систему народных праздников, стараясь наполнить их новым содержанием при сохранении традиционных элементов с целью обеспечения преемственности. Кроме того, при создании новых праздников не государственного, а местного уровня, власти нередко обращались к традиционным моделям народных календарных праздников и ритуалов. Со своей стороны сельские жители, отстаивая старые традиции, привносили в календарные обряды советскую атрибутику, изменяли тексты обрядовых песен и т.п., а также переносили обрядовые практики, ранее приуроченные к датам народного календаря, на близкие к ним даты советских праздников. Таким образом, две календарные системы находились в постоянном поиске точек соприкосновения, приспособлялись и адаптировались друг к другу.